

УДК 93

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА)

¹Гапуров Ш.А., ²Гациева Т.И.

¹*Чеченский государственный университет, Грозный, e-mail: gapurov2011@mail.ru;*

²*Чеченский государственный педагогический институт, Грозный*

В статье рассматриваются вопросы российско-кавказских взаимоотношений в конце первой трети XIX века, описываются различные подходы к управлению краем и анализируются причины изменения политики на Кавказе, в частности в Чечне, делается вывод о том, что поиск компромисса путем переговоров представлял собой самый перспективный и эффективный путь для российско-чеченских (российско-северокавказских) взаимоотношений. Если бы эта тенденция в российской политике на Кавказе получила дальнейшее развитие и присоединение горских народов к России осуществлялось путем превращения их в вассалов-союзников, а не в колониально подчиненных, с установлением в регионе соответствующих суровых порядков, возможно, удалось бы избежать кровавой многолетней Кавказской войны. Однако в XVIII–XIX вв. при расширении своих территорий по этому пути не пошла ни одна мировая держава – ни Англия, ни Франция, ни прочие. Исключением не стала и Россия.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, Чечня, наместник, восстание, горцы, конституция, самоуправление

FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN-CHECHEN RELATIONS (THE END OF THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY)

¹Gapurov S.A., ²Gatsieva T.I.

¹*Chechen State University, Grozny, e-mail: gapurov2011@mail.ru;*

²*Chechen State Pedagogical Institute, Grozny*

The article deals with the Russian-Caucasian relationship at the end of the first third of the XIX century. Various approaches to governance of the territory are described and the reasons of change of policy in the Caucasus, in particular, in Chechnya are analyzed. The authors came to the conclusion that the search for compromise through negotiations was the most promising and effective way of the Russian-Chechen (Russian-Caucasian) relationship. Perhaps the bloody long Caucasian war would be avoided, if this trend of the Russian policy in the Caucasus has been further developed and the accession of the mountain peoples to Russia has been carried out by their transformation into vassals allies, and not into colonial-dependents, with the establishment of severe orders in the region. However in XVIII–XIX centuries no state chose that trend neither England nor France or other state when expanding of their territory. Russia was not exception as well.

Keywords: North Caucasus, Russia, Chechnya, deputy, revolt, mountaineers, constitution, self-government

Присоединение Чечни к России – это долгий, многоплановый и сложный процесс. Но с середины XVI века был заявлен главный вектор – взаимная заинтересованность российской и чеченской сторон в союзе, а затем – и к сосуществованию в едином государстве. То же самое можно сказать и об остальных народах Северного Кавказа. Но присоединение каждого горского народа к России протекало по-своему, со своими особенностями.

В истории российско-чеченских взаимоотношений в XIX в. был период, когда кавказский наместник граф Паскевич (1827–1831 гг.) и военно-политический лидер Чечни первой половины XIX в. Бей-Булат Таймиев обсуждали вопрос о создании здесь особой системы российской власти, о своеобразной внутренней автономии для чеченцев.

В огромной Российской империи на периферии, на присоединенных территориях система российской власти не была унифицированной, единообразной. В Польше,

скажем, система российской власти была иной, чем в Финляндии. Последняя в период нахождения в Российском государстве пользовалась широкой внутренней автономией и именно поэтому отношение финского населения к Петербургу было иным, чем в Польше. В отличие от Польши, в Финляндии практически не было антироссийских выступлений. Система российской власти в Чечне, которая вырисовывалась из переговоров графа Паскевича и Бей-Булата Таймиева, как раз и была весьма похожа на финляндскую.

Военно-политический лидер Чечни первой трети XIX века Бей-Булат Таймиев много раз встречался с представителями российской власти в крае. В том числе – и с кавказскими наместниками Гудовичем, Торماسовым, Ртищевым, два раза – с Ермоловым. Встречался, чтобы обсудить будущее Чечни в составе России. Все они встречали его «благосклонно», одаривали подарками, офицерским званием, устанавливали солидное жалование. Наместники

стремились использовать Бей-Булата как послушного проводника российской колониальной политики. Сам же «чеченский наездник» добивался того, чтобы с ним считались в выработке и в реализации российской политики в Чечне, и, самое главное, добивался, чтобы Чечня в составе Российского государства сохранила бы свою автономию (дал же Александр I автономию для Финляндии), неприкосновенность земли, традиций, обычаев, религии. Но подобные стремления Бей-Булата казались неприемлемыми для кавказских наместников, особенно для А.П. Ермолова. В результате союз с российской властью до 1827 г. у «чеченского наездника» не складывался.

Восстание в Чечне 1825–1826 гг. было подавлено Ермоловым с крайней жестокостью. Попытки Бей-Булата вступить в переговоры с Ермоловым в ходе восстания окончились безрезультатно.

После восстания 1825–1826 гг. большая часть чеченцев выступала теперь за прекращение вооруженной борьбы с Россией и решительно была против немногочисленной «партии войны». Об этом говорит случай, происшедший в Чечне осенью 1828 г. Житель селения Атаги Батал в начале октября того же года собрал «большую партию» мичиковцев и майртупцев с намерением напасть на российские войска. Однако против этого решительно выступили жители окрестных селений. Более того, 12 октября жители селения Джавгар-Юрт во главе со своим старшиной «побили и рассеяли» отряд Батала. «Давно уже восточный Кавказ, – писал Волконский, характеризуя обстановку в крае в 1828 г., – не пользовался таким спокойствием и не выражал таких симпатий к нам, как в 1828 году. Отовсюду то и дело неслись в нашу сторону приветы всякого рода, предложение покорности, выражение сочувствия... Политические агитаторы притихли; вероучители и лжеучители копошились, так сказать, только в четырех стенах своего дома и не решались дать волю своему голосу» [2, с. 176].

Тем временем политическая обстановка в самой Чечне с назначением начальником Левого фланга Е.Ф. Энгельгардта стала меняться к лучшему. Стало меняться и отношение чеченцев к российской власти. Все эти факторы повлияли на изменение позиции и самого Бей-Булата.

В лице нового начальника Левого фланга Е.Ф. Энгельгардта Таймиев впервые встретил высокого русского начальника, с уважением относящегося к чеченцам и стремящегося вникнуть в существующие в Чечне проблемы. С российской властью, представленной таким челове-

ком, Бей-Булат готов был вступить в союз ради будущего Чечни. «Появление Энгельгардта в качестве командира на Левом фланге Кавказской линии внесло новые аспекты в поведение Бейбулата... Именно в 1826–1827 гг. Бейбулат начал менять направление своей политики, постепенно разрывая временный союз с Нох-ханом (лидер антироссийской феодальной оппозиции в Дагестане в тот период, сын Султан-Ахмед-хана Аварского. – Г.Ш., Г.Т.), что, скорее всего, было связано с деятельностью Энгельгардта» [5, с. 122].

Детально ознакомившись с ситуацией в Чечне и с жизнью чеченцев, генерал Энгельгардт в декабре 1827 г. разработал проект положения об управлении чеченцами («Новая инструкция для чеченского пристава») и направил его на одобрение командующему Кавказской линией генералу Эммануэлю. В дополнение к уже существующим правилам Энгельгардт предлагал меры, направленные на «охрану личной собственности каждого». В условиях, когда у чеченцев в любой момент могли отнять землю (например, под строительство военного укрепления, военного поста, казачьей станицы, русского поселения), это было весьма актуально.

Начальник Левого фланга особое внимание уделял развитию торгово-экономических отношений внутри Чечни, с одной стороны, и между чеченцами и русскими поселениями (крепостями) по Тереку и Сунже, с другой, считая это важнейшим средством в привлечении чеченцев на российскую сторону. «Эти меры, – указывал он, – должны более привязать чеченцев к российским законам..., нежели оружием и взыскание по строгости».

Л.Н. Колосов справедливо отмечает: «В принципе не имеет значения, приняты были или не приняты предложения начальника Левого фланга. По различным причинам они так и остались проектами. Однако они... характеризовали как... осторожно-администратора самого Энгельгардта, так и его политику, осуществляемую им в Чечне» [5, с. 112].

Генерал Энгельгардт был убежден, что нельзя силой решить существующие проблемы российско-горских взаимоотношений. Для успокоения края, для прочного утверждения здесь российской власти нужны средства экономические, культурные, образовательные. И необходимо действовать постепенно, не ускоряя донельзя сложный процесс присоединения Северного Кавказа к России. При этом у Энгельгардта нет ни малейших сомнений, что Кавказ должен быть российским.

Новая политика А.П. Ермолова в отношении чеченцев, выдвинутая им в 1826 г. (использование в отношениях с чеченцами политико-экономических методов вместо силовых) на закате своей кавказской эпопеи, в целом была продолжена его преемником, графом Паскевичем. Рассуждая о кавказской политике Паскевича, нужно принять во внимание следующий момент. После окончания русско-иранской (1826–1828 гг.) и русско-турецкой (1828–1829 гг.) войн император Николай I, который до этого посылал на Кавказ указания насчет «правил умеренности и снисхождения» по отношению к горцам, ставит перед Паскевичем совсем другую задачу. Русско-турецкий (Адрианопольский) мирный договор был подписан 2 сентября 1829 г., а уже 25 сентября Николай I направляет наместнику Кавказа предписание: «Кончив... одно славное дело, предстоит вам в моих глазах столь же славное, а в рассуждениях прямых польз, гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных... Я для сего предоставляю вам временно все войска, под командою вашей ныне находящиеся, с тем, чтобы удар был столь же решителен, как и внезапен» [3, с. 58].

Однако Паскевич, «человек умный, сдержанный, дельный» (Е.В. Тарле), несколько по-другому видел основные направления российской политики на Северном Кавказе. В отличие от своих будущих преемников, он не кинулся бездумно исполнять «высочайшее повеление». Видимо, подобное мог себе позволить только сановник, находящийся в особых отношениях с царем, пользующийся его полным доверием. 7 ноября 1829 г. Паскевич напишет Николаю I: «Ну хорошо, покорить так покорить, но с какого народа начинать, какой народ, так сказать, больше виновен? Ответ на сие труден, опасно возбудить в горах всеобщее возмущение. Ведь не все же виноваты в одинаковой степени. Ну давайте начнем с чарцев или лезгин. В период русско-иранской войны они угрожали тылу русской армии, беспокоили Кахетию... в продолжение персидской и даже турецкой войны не переставали вооружаться против нас». Интересно то, что чеченцев Паскевич сразу же выводит из-под удара (и это, безусловно, заслуга Бей-Булата). «Но чеченцы, – пишет наместник царю, – со времени вступления моего в управление сим краем ничего важного не предпринимали противу России, кроме частных разбоев» [8, л. 5, 7].

Позитивному развитию российско-чеченских отношений на рубеже 20–30-х годов XIX в. весьма способствовали также

визит Бей-Булата Таймиева в ставку Паскевича в Закавказье и их совместные переговоры о будущем Чечни в составе России.

Вообще же вызов Бей-Булата в Тифлис был частью той политики, которую Паскевич проводил в отношении Чечни. «Если удастся склонить Бей-Булата и его сотоварищей к приезду в Тифлис, – писал Паскевич, – то, по скорому моему отсюда выезду (в действующую армию на русско-турецкий фронт. – Г.Ш., Г.Т.), они будут направлены потом в действующий отряд и таким образом не скоро могут возвратиться в Чечню. Одно отсутствие сих людей, которые у нас будут в роде аманатов, удержит немирных чеченцев от всяких враждебных покушений. Между тем, областав их, я собственными их выгодами заставлю их быть нам искренне приверженными, и тогда легче уже будет на счет будущего управления Чечнею и прочного успокоения сего народа принять решительные меры» [1, с. 915].

В начале июня 1829 г. Бей-Булат в сопровождении нескольких сот (цифры численности отряда разнятся в источниках – от 180 до 300 человек) горских всадников (чеченцы, дагестанцы, осетины, ингуши) прибыл в Тифлис. Встречал их генерал-лейтенант Стрекалов, имевший указание Паскевича «обласкать всех их, назначить приличное содержание». Отсюда в сопровождении хорунжего Артамонова отряд Бей-Булата направился в Эрзерум, где находилась штаб-квартира Паскевича. Видимо, Паскевич придавал встрече с Бей-Булатом большое значение и потому предписывал Артамонову обращаться с горцами «дружелюбно, отвращая всякие неприятные встречи и требуя к тому пособия от местных начальств».

Именно здесь его встретил А.С. Пушкин, совершавший в то время путешествие по Кавказу. В своем знаменитом «Путешествии в Арзрум» великий поэт запишет: «Славный Бейбулат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений, возмущившихся во время последних войн. Они обедали у графа Паскевича. Бейбулат, мужчина лет 35-ти, малорослый и широкоплечий. Он по-русски не говорит или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы и Кабарду» [7, с. 409].

В Эрзеруме Бей-Булат пробудет 2 месяца – июль и август 1829 г. Он и его отряд участвовали в военных действиях русской армии против турецких войск. Здесь же состоялись и переговоры Бей-Булата с Паскевичем. Результатом их явилось соглашение («Временное постановление»),

согласно которому Паскевич обещал предоставить Чечне режим «внутреннего самоуправления», т.е. внутреннюю автономию, чего долгие годы и добивался Бей-Булат от российских властей. До разработки этого специального документа – «Постановления о покорности чеченцев России» (своеобразной «конституции» для Чечни) Паскевич совместно с Бей-Булатом разработал и обнародовал «временные пункты» для управления чеченцами. «Чеченские старшины, быв приняты мною благосклонно, – отмечал Паскевич, – остались в отряде и были при мне в военных действиях против турок. Продержав их таким образом в течение целого лета, я доставил линии с их стороны спокойствие; теперь же, отпуская их в свою отчизну до времени собрания полных сведений об основаниях, на которых полезно будет России сделать о покорности их постановление (ибо они просят принять их в общество покорных нам чеченцев, коих мнение о сем неизвестно), я, по отобрании от них предварительного согласия, сделал следующее временное постановление:

1. ...До составления постановления о покорности их России предоставляется им внутреннее между собою управление на том основании, как они сами управляются.

2. Сын генерал-лейтенанта шамхала Тарковского, вели (вали) Дагестанского, находящийся между ними до времени издания постановления, по желанию самих чеченцев назначается комиссаром с тем, чтобы требования, которые могут с ним случиться от российского начальства, были производимы чрез его посредство.

3. Ему же предоставляется право выдавать билеты означенным чеченцам для проезда в наши владения по торговым нуждам» [9, л. 14].

Насколько серьезны были намерения Паскевича разработать для чеченцев особые правила управления ими – «конституцию»? И насколько российские власти на месте стали бы придерживаться этих «правил», которые выпадали из общей системы российского управления на Кавказе? История не знает сослагательного склонения. Поэтому трудно дать ответ на эти вопросы. Но безусловно одно. Пойти на такие уступки (хотя бы внешне, формально) российской власти заставила освободительная борьба чеченцев, которая началась еще в конце XVIII в. при шейхе Мансуре и приняла массовые формы в 20-е годы XIX в., при Бей-Булате Таймиеве. Но эти события показали и другое: российская власть при желании и при умном руководителе, могла быть на национальных окраинах и гибкой, продуманной и дальновидной.

Выполнение соглашения Паскевич – Таймиев оказалось делом сложным. И, прежде всего, из-за того, что не было четкого понимания взаимоотношений российских властей с Шахбазом (сыном шамхала), назначенным в Чечню в качестве российского «комиссара» с весьма расплывчатыми правами и функциями. Российские военные командиры (осуществлявшие и гражданскую власть), привыкшие к абсолютной власти в регионе (и особенно в Чечне), к бесконтрольным и безнаказанным злоупотреблениям властью, не признающие за местными жителями никаких прав, совершенно не хотели признавать власть Шахбаза, которая все-таки ограничивала их произвол. Это откровенно вытекает из отношения Паскевича к командующему Кавказской линией Эммануэлю от 9 января 1830 г. «...Чеченцы жалуются, – пишет Паскевич, – что генерал-майор Энгельгардт и аксаевский владелец Хасай Мусса приказали брать под арест всех тех чеченцев, у которых найдутся билеты сына шамхала Тарковского, Шахбаза» [10, л. 72].

Авторитет же Шахбаза в Чечне прямо зависел от того, насколько он был в состоянии защитить местное население от произвола военных властей. Но у Шахбаза реальной власти не было: ему оставалось только постоянно жаловаться Паскевичу на произвол кордонных командиров и их местных сторонников вроде аксаевского князя Мусы Хасаева.

У официального Петербурга в последней трети XVIII – первой половине XIX в. не было четкой и последовательной политики в отношении северокавказских народов. Петербург поддерживал в большинстве случаев совершенно противоположные планы и предложения кавказских наместников. В 1804 г., во время восстания в Кабарде, царь Александр I сперва одобрил предложение П.Д. Цицианова о проведении здесь карательной экспедиции, а следом – целую программу политических и экономических мероприятий по мирному присоединению кабардинцев, разработанную тем же кавказским наместником. Дальше продолжалось в том же духе. В 1816 г. Александр I одобрил программу адмирала Мордвинова о присоединении северокавказских народов мирными, политико-экономическими, культурными средствами, а следом, в 1817–1818 гг. – программу генерала А.П. Ермолова о покорении горцев военными методами. Точно так же в 1829 г. Николай I требует от Паскевича «усмирить навсегда» горцев или «истребить непокорных». И тут же вполне серьезно отнесся и одобрил создание особой системы управления для

чеченцев, предложенную Паскевичем. Более того, в Петербурге вызывает непонимание медлительность Паскевича в разработке «конституции» для чеченцев. 9 сентября 1829 г. управляющий Главным штабом генерал А.И. Чернышев запрашивает Паскевича: «Отношение Вашего сиятельства от 2 минувшего августа за № 344 о причинах, побудивших Вас до времени отложить составление решительного постановления насчет зависимости от нас покорившихся чеченцев, для коих изволили ограничиться изданием временного положения, я доводил до сведения государя императора, и Его величество высочайше соизволил одобрить распоряжения Ваши по вышеизложенному предмету, о чем я поспеваю иметь честь Ваше сиятельство уведомить» [11, л. 15].

Однако Паскевич, в силу непонятных причин, в чеченском вопросе оказался непоследовательным. Никакого особого «Постановления для управления чеченцами» при нем так и не было разработано. В 1830 г. в Польше началось крупное анти-русское восстание, и внимание Петербурга было отвлечено с этого времени на европейские дела. Чечня и для Петербурга отошла на второй план.

Конец 20-х годов XIX в. – особый период в российско-чеченских отношениях. Впервые российская власть попыталась найти компромисс с чеченцами, прислушаться к их мнению о принципах и условиях присоединения Чечни к России, прекратить бессмысленные и разорительные набеги российских войск против чеченцев. Подобная политика российских властей встретила со стороны чеченцев полное понимание, горячее стремление мирным путем решить имеющиеся разногласия в российско-чеченских взаимоотношениях (это не значит, что в Чечне и в тот период не было горячих голов, желающих примкнуть к мюридистскому движению, которое в то время разворачивалось в Дагестане под руководством Гази-Мухаммеда. Но эту «военную партию» всеми силами пытался сдерживать Бей-Булат Таймиев, который выступал теперь против вооруженной борьбы с Россией).

Российско-чеченские переговоры того периода показали, что чеченцы готовы были принять российское подданство при сохранении их внутреннего самоуправления, т.е. при условии неприкосновенности их земель, обычаев, традиций и религии. Как показали эти события, поиски компромисса путем переговоров – это был самый перспективный и эффективный путь для российско-чеченских (российско-северокавказских) взаимоотношений. Если бы эта тенденция

в российской политике на Кавказе была бы продолжена, если бы присоединение горских народов к России шло бы по пути превращения их в вассалов-союзников, а не в колониально подчиненных, с установлением в регионе соответствующих суровых порядков, может быть, и удалось бы избежать кровавой многолетней Кавказской войны. Однако по этому пути при расширении своих территорий не пошла в XVIII–XIX вв. ни одна мировая держава – ни Англия, ни Франция, ни прочие. Исключением не стала и Россия.

Увы, «бархатный» период в российско-чеченских отношениях оказался слишком коротким. Его инициаторы и проводники вскоре сошли с исторической арены: в 1830 г. Энгельгардт был переведен обратно на должность коменданта Кисловодской крепости, в 1831 г. Бей-Булат убит, а Паскевич был направлен в Польшу для подавления польского восстания. Назначенный вместо Паскевича барон Розен совсем по-другому видел пути разрешения горско-русских разногласий. Он полностью отказался от всех обязательств, взятых на себя (от имени кавказской администрации) Паскевичем по отношению к чеченцам. Получилось как всегда: каждый новый кавказский наместник отказывался от политики и курса своего предшественника, от его опыта, накопленных уроков. «Назначенный командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим в Грузии, не в уважение его предшествующих подвигов военных и административных, подвигов достаточно скромных, а по связям и безотчетной прихоти Государя и Паскевича, барон Розен явился в край, ему совершенно неизвестный, и должен был руководить сложным делом, ему совершенно чуждым» [6, с. 93]. Розен был опытным военным, с 1805 г. принимал участие в большинстве войн, которые вела Россия, отличился в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. Но на Кавказе это был новый человек, абсолютно незнакомый с местными реалиями. Приняв деятельное участие в решении военной силой польской проблемы (т.е. в подавлении польского восстания), Розен явился на Кавказ, убежденный, что точно так же можно решить и «горский вопрос». Он был горячим сторонником силового решения всех проблем с горцами, сторонником «ранних» ермоловских методов (хотя Петербург и требовал от него «неуклонно держаться оставленных Паскевичем инструкций и вообще его соображений и указаний» [4, с. 2]), от которых сам А.П. Ермолов к концу своей кавказской ка-

рьеры отказался. В это же время – в начале 30-х годов XIX в. – в Дагестане набирает силу мюридизм и начинается вооруженная борьба горцев против феодалов и царской власти. Соединение этих двух факторов и привело к новому витку долгой и кровавой трагедии на Северном Кавказе, получившей название Кавказской войны.

Список литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. – Т. VII.
2. Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. – Т. X. – Тифлис, 1886.
3. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х годах XIX века: сб. док. – Махачкала, 1959.
4. Кавказский сборник. – Т. VII. – Тифлис, 1882.
5. Колосов Л.Н. Славный Бей-булат. – Грозный, 1991.
6. Осада Кавказа. – СПб., 2000.
7. Пушкин А.С. Сочинения. – В 3 т. – Т. 3. Проза. – М., 1987.
8. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. Военно-ученый архив. Д. 1006. Л. 5, 7.
9. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6244. Л. 14.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6244. Л. 72.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6244. Л. 15.

References

1. Akty, sobrannye Kavkazskoy arkhograficheskoy komissiyey. T. VII.
2. Volkonskiy N.A. Voyna na vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834. w swyazi s myuridizmom // Kavkazskiy sbornik. T.X. Tiflis, 1886.
3. Dvizhenie gortsew Severo-Vostochnogo Kavkaza w 20–50-h godakh XIX veka. Sbornik dokumentov. Makhachkala, 1959.
4. Kavkazskiy sbornik. T. VII. Tiflis, 1882.
5. Kolosov L.N. Slavniy Bey-Bulat. Grozny, 1991.
6. Osada Kavkaza. Sankt-Peterburg., 2000.
7. Pushkin A.S. Sochineniya. W 3 t. T. 3. Proza. M., 1987.
8. Rossiyskiy gosudarstvenny voenno-istoricheskiy arkhiv. F. Voенno-ucheny arkhiv. D. 1006. L. 5, 7.
9. Rossiyskiy gosudarstvenny voenno-istoricheskiy arkhiv. F. 846. Op. 16. D. 6244. L. 14.
10. Rossiiskii gosudarstvenny voenno-istoricheskiy arkhiv. F. 846. Op. 16. D. 6244. L. 72.
11. Rossiyskiy gosudarstvenny voenno-istoricheskiy arkhiv. F. 846. Op. 16. D. 6244. L. 15.

Рецензенты:

Магомаев В.Х., д.и.н., профессор, зав. отделом истории Института гуманитарных исследований АН ЧР, г. Грозный;
Ибрагимов М.М., д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России Чеченского государственного университета, г. Грозный.
Работа поступила в редакцию 26.08.2014.